

Вероломная обольстительница

Автор:

Оливия Гейтс

Вероломная обольстительница

Оливия Гейтс

Миллиардеры из Блейккасла #1Соблазн – Harlequin #158

Элиана полюбила красавца-миллионера Рафаэля, но тот оказался врагом ее отца. Между двумя мужчинами, которых она любит больше всего на свете, стоит кровавая тайна прошлого. Сумеет ли Элиана сохранить любовь и доказать, что ее отец – не предатель?

Оливия Гейтс

Вероломная обольстительница

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

From Enemy's Daughter to Expectant Bride

© 2014 by Olivia Gates

«Вероломная обольстительница» © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Пролог

Он опять проснулся посреди ночи.

Его щеки были мокры от слез, сердце бешено колотилось, и от крика, когда он в отчаянии призывал мать и отца, саднило в горле.

– Поднимайся, Счет.

От этого грубого голоса душу объял страх. Впервые услышав его, он до смерти испугался, решив, что в его спальню проник незнакомец. Но вскоре он понял, что дела обстояли еще хуже. Он был не дома, а в каком-то длинном, узком помещении без мебели и окон. Он лежал на холодной земле со связанными за спиной руками. Голос с хорошо знакомым ему сильным британским акцентом повторил те же слова.

Так начинался кошмар.

– Похоже, Счет хочет получить еще разок.

Это сказал другой человек. Он думал, что этот ужасный человек – последнее живое существо, которое ему суждено увидеть на этом свете. Они называли его Математиком. Поэтому они схватили его. Потому что он отлично считал.

Когда они впервые об этом сказали, он был оскорблен. Он не просто «отлично считал». Он был математическим гением. Так говорили ему родители, учителя и все специалисты, которые имели с ним дело.

Он поправил их – и за это получил первую оплеуху, от которой его отбросило к стене. Он едва не сломал шею. Ощувив боль и шок, он понял, что все это происходит на самом деле. Он больше не был в безопасности. Они могут сделать с ним все, что угодно, – и непременно сделают.

Поначалу от этой мысли в нем вскипела ярость. Он сказал, что, если они вернут его обратно к родителям, он не расскажет им о том, что эти люди дерзнули поднять на него руку. В ответ они расхохотались дьявольским смехом, и один сказал другому, что, наверное, на обработку малолетнего Счета у них уйдет больше времени, чем они думали.

Он все еще настаивал, что его зовут не Счет. За это тот, второй мужчина ударил его по второй щеке – еще сильнее.

Когда он лежал на полу, дрожа от страха и беспомощности, злодей объяснил, чего они хотят от него:

– Ты больше никогда не увидишь родителей и никогда не выйдешь отсюда. Теперь ты принадлежишь нам. Если ты будешь делать то, что мы тебе прикажем, без задержек, мы тебя не накажем. Или накажем не слишком сильно.

Но он не подчинялся их приказам, как бы жестоко они его ни наказывали. Он надеялся, что им, в конце концов, надоест это, и они вернут его к родителям. Но они лишь действовали все более жестоко и, казалось, наслаждались, избивая и мучая его, и надежда на то, что этот кошмар когда-нибудь рассеется, таяла и

таяла...

– Может, сегодня дадим Счету самому выбрать себе наказание?

Он слышал смешки своих мучителей. Их силуэты смутно возвышались над ним, – его глаз заплыл от удара, и он едва различал их. И в этот момент он сдался.

Его муки длились слишком долго для обычного ночного кошмара.

Этот ужас никогда не кончится.

Издевательства тюремщиков не прекратятся, родители не спасут его, и никто не придет к нему на помощь. Его положение будет становиться все ужаснее.

Что ж, если он отныне обречен на такую жизнь, значит, он больше не хочет жить.

Но он не мог даже покончить с собой. В его узилище были лишь металлические миски, куда ему наливали грязную воду и накладывали какую-то липкую бурду, и ведро, которое он использовал как туалет. Он не мог сбежать от них даже в смерть. Разве что попробовать...

Идея возникла в какую-то секунду. Он испробовал все, за исключением одного – подыгрывать им. Быть может, если он сделает вид, что подчинился, они решат, что сломали его, и разрешат ему выходить из камеры.

Тогда он мог бы сбежать. Или погибнуть при попытке к бегству.

Один из здоровяков пнул его по ребрам:

– Поднимайся, Счет.

Сжав зубы от резкой боли, он встал.

– Наконец-то он начал слушаться. – Злодей вновь рассмеялся своим жутким смехом.

– Давай проверим. – Второй склонил над ним плохо выбритую физиономию. – Эй, как тебя зовут?

Жгучая волна желудочного сока поднялась к самому горлу. Он сглотнул, хороня внутри себя последнюю мысль о сопротивлении:

– Счет.

Еще один удар по ноющей скуле. На этот раз, однако, он слабее, чем раньше. Они все равно будут мучить его, но если он подчиниться, наказание будет не столь жестоким.

– И почему ты здесь?

– Потому что отлично считаю.

– И что ты будешь здесь делать?

– Все, что вы скажете. – От очередного удара у него дернулась голова и зазвенело в ушах, но он продолжал: – Как только вы велите.

В неверном свете, пробивавшемся снаружи, он увидел, как они обменялись злобными улыбками. Они поверили, что сломили его. Да, это было так. Но он не собирался прожить достаточно долго, чтобы дать им насладиться победой.

Наконец они сделали именно то, на что он рассчитывал, – выволокли его из камеры. Он беспомощно висел между ними, слишком слабый, чтобы идти, и его голые ступни и колени, просвечивавшие сквозь истертые штаны, скребли по холодной земле.

Он с трудом мог поднять голову, чтобы посмотреть, куда его тащат. Он успел заметить лишь огромные черные колонны и арки, меж которыми просвечивало мутное небо. Все это было похоже на средневековый замок в одной из видеоигр, что дарил ему отец. Но он понял главное: стены между колоннами были достаточно низки, чтобы попытаться перебраться через них и спастись... Или упасть и сломать себе шею.

Затем один из монстров произнес:

– Если подойдешь к стене, тебя поймают, избьют и бросят обратно в камеру. И там ты просидишь вдвое дольше, чем в этот раз.

Значит, и этот план невозможен. Но он не может, не в силах больше это выносить!

Он уже хотел умолять их просто убить его и покончить с этим. Но тут они распахнули тяжелые деревянные двери и швырнули его через порог на грубый пол.

Сумев, наконец, приподнять голову, он увидел огромный зал с рядами столов, за которыми молча сидели множество мальчиков. Все они смотрели в сторону двери.

– Этот глист – ваш новый приятель. Будет делать что-нибудь, что вам не дозволено, – сообщите нам и получите награду.

С этими словами тюремщики ушли, оставив его стоять на коленях на глазах у остальных. Он вдруг ощутил прилив гордости. Он знал, что мальчишки часто бывают жестоки с теми, кто младше и слабее их. А ведь он, кажется, был здесь самым младшим. Поэтому он поднялся на ноги, стараясь не держаться за ноющий бок, не показать свою слабость, – и когда мальчики вновь вернулись к еде и тихим разговорам, чуть вновь не упал от облегчения.

Похоже, они боятся даже громко разговаривать. Значит, они тут пленники, как и он! Их сломали еще раньше.

Ему в нос ударил манящий до боли запах горячей пищи. От голода у него закружилась голова. Стараясь двигаться уверенно, он пошел в направлении источника божественных ароматов.

Он пытался дотянуться до крышки одного из массивных контейнеров, как вдруг ее подняла чья-то рука. Он не заметил, как подошел ее обладатель.

Это был мальчик постарше, с бритой наголо головой и внимательными черными глазами. Ростом он уже был, пожалуй, с его отца. Но, несмотря на устрашающие габариты и пронзительный взгляд, этот почти взрослый парень, казалось, внушал надежду.

– Меня зовут Фантом. А тебя?

Он чуть было не назвал свое настоящее имя, но вовремя одернул себя. Может, этот мальчик просто провоцирует его на что-то «неразрешенное»? Чтобы доложить и получить награду?

– Счет, – осторожно сказал он.

В ответ мальчик изогнул черную бровь:

– Это твоя специальность? – Он явно был удивлен. – Но тебе ведь не больше семи?

– Мне восемь.

От возмущения, прозвучавшего в его голосе, взгляд Фантома потеплел.

– Первый месяц здесь морят голодом. Тебя морили три месяца. Из-за этого многие тут выглядят мелкими. Так что теперь налегай на еду, чтобы вырасти большим и сильным.

– Как ты?

– Я еще не до конца вырос, – ухмыльнулся Фантом. – Но стараюсь.

Он наполнил миску дымящимся рагу. По сравнению с гнилой бурдой, которой его кормили три месяца, эта еда пахла как пища богов. Подумать только, три месяца! Он даже не догадывался, сколько времени прошло, пока Фантом не сказал ему.

Наполнив миску для себя, Фантом кивком поманил его за собой:

– Если ты в таком возрасте заслужил такое имя, ты, должно быть, гений.

Ему страшно польстило, что этот уже почти взрослый мальчик с такой уверенной походкой и пронзительными глазами оценил его по достоинству – даже сейчас, когда усилиями тюремщиков он практически перестал быть собой.

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– Пятнадцать. Я здесь с четырех лет.

Эти слова стали ответом на вопрос, который он еще только собирался задать. Да, тюремщики говорили правду: он никогда не выйдет отсюда.

Сев за стол, Фантом кивнул ему на соседнее место. За столом, кроме них, сидели пять мальчиков, совершенно не похожих друг на друга. Все они были старше его, Фантом был среди них самым старшим. Мальчики подвинулись, давая им место. Фантом шепотом представил всех, не шевеля губами, чтобы охранники в зале не догадались о разговоре. Других мальчиков звали Молния, Кости, Шифр, Умник и Джокер.

Пока они ели, мальчики по очереди спрашивали его о прошлом. Он был так же уклончив, как они: не врал, но и не говорил ничего конкретного. Затем они подбрасывали ему уравнения, а он решал их с неизменной точностью, сколь бы сложными они ни оказывались.

Когда они закончили есть, ему уже казалось, что они знакомы давным-давно. В конце концов охранники объявили, что трапеза окончена, и мальчики направились к выходу.

Не в силах унять волнение, он схватил Фантома за руку:

– Мы еще увидимся?

Фантом грозно взглянул на него, и он поспешно отдернул руку, пока не заметил охранник. Но голос Фантома прозвучал неожиданно мягко:

– Я позабочусь, чтобы тебя разместили в нашей палате.

– Ты сможешь?

– Здесь много чего можно, надо только знать как.

– Научишь меня?

Фантом взглянул на остальных. Только тут он понял: эти мальчишки – не просто сокамерники, делящие друг с другом еду и спальное помещение. Они – команда. И Фантом спрашивает их разрешения на то, чтобы взять его на борт.

Он вдруг понял, что ничего в жизни не хотел так, как стать членом этой команды. Его старая жизнь кончена. И он почему-то был уверен, что новая возможна лишь вместе с этими ребятами.

Он увидел, как каждый из мальчиков коротко кивнул Фантому. Это наполнило его сердце надеждой, которая, как ему совсем недавно казалось, навсегда покинула его.

Фантом повернулся и пошел прочь, однако успел тихо сказать ему:

– Добро пожаловать в наше братство, Счет. И в «Черный замок».

Глава 1

Рафаэль Морено Салазар тихо стоял на балконе, глядя вниз, на просторный зал своего недавно приобретенного особняка в Рио-де-Жанейро.

Многолюдный прием был в разгаре. Здесь собрались все звезды из мира маркетинга. Приглашенные наслаждались оплаченными им великолепными закусками, великолепное шампанское Moët et Chandon лилось рекой, виртуозно играл оркестр, пары кружились в вальсе. Сам же он не торопился выйти к гостям, ожидая, когда интерес к нему и к его намерениям достигнет наивысшей

точки. Собственно, именно этого он и ждал с тех пор, как объявил, что он, Рафаэль Салазар, человек, совершивший революцию в финансовых технологиях, ищет партнера в сфере маркетинга в Западном полушарии. И хотя интерес к нему с самого начала был огромен, он считал, что таинственность пойдет лишь ему на пользу. А затем он добавил к предложению горькую пилюлю. Он всегда поступал так с потенциальными клиентами и партнерами. Он пустил слух о своих связях с организованной преступностью. Собственно, так оно было, хотя и не в том смысле, как представляла себе публика. У них с братьями были свои темные дела.

Главы государств благосклонно относились к его методам, выкованным в тигле организованной преступности и отточенным на коррупционных схемах. Но он сомневался, что короли маркетинга с той же готовностью захотят работать с человеком, имеющим неоднозначную репутацию даже в самых серых зонах международного рынка. Однако, как оказалось, для них его связи в преступном мире и умение обходить закон обладали еще более неотразимой притягательностью. Что ж, он действительно был так грозен, как все полагали. И к тому же неуязвим. Пули отскакивали от него.

И вот желающие стать его партнерами, полные надежд, делали вид, что наслаждаются роскошным празднеством, и изо всех сил старались быть любезными друг с другом. Но он чувствовал их обиду и разочарование, их напряженные мысли о том, кто станет его счастливым избранником, и соизволил ли он почтить своим присутствием устроенный им самим бал.

– Ты, наконец, выйдешь к ним, Счет?

Он коротко взглянул на мужчину, незаметно появившегося рядом с ним:

– Мне кажется, сегодня пора, Кобра.

Англичанин, которого он в последние двадцать лет называл Коброй, с жестокой полуулыбкой оглядел зал. В предыдущие три раза Рафаэль говорил ему то же самое.

Для всего мира Кобра был Ричардом Грейвзом – именно это имя он для себя выбрал, когда они придумывали себе новые личины. В свои сорок два года Ричард походил на голливудскую кинозвезду и на первый взгляд мог сойти за

старшего брата Рафаэля. У них было похожее сложение и почти одинаковый цвет волос, разве что в волосах Ричарда уже серебрились седые пряди. Однако при более внимательном взгляде можно было понять разницу в их происхождении, заметив бразильско-португальское происхождение Рафаэля.

Но была между ними и более важная разница, которая не бросалась в глаза. У них была разная специализация.

Рафаэля учили убивать, но его главным оружием оставался мозг. Он редко полагался на физическое насилие, с легкостью уничтожая противника финансово. Ричард же не зря носил кличку Кобра. Он был воплощением смертельной угрозы. Он предпочитал ликвидировать врага в прямом значении слова. Сегодня его смертельная опасность была скрыта от глаз за респектабельным фасадом. Но стоило присмотреться к нему внимательнее... или ему присмотреться к вам: Рафаэль не мог представить себе смертного, который сумел бы выдержать пронизательный взгляд Ричарда.

Впрочем, дни, когда Ричард представлял собой воплощение смертельной угрозы, были позади. По крайней мере, он так утверждал. Правда это была или нет, – так или иначе, сегодня он не менее успешно наводил страх в мире бизнеса и политики. Пока Ричард оставался его партнером и защитником, Рафаэль был уверен, что прошлое никогда не накроет его, а будущее будет безоблачным.

Ричард смерил Рафаэля испытующим взглядом:

– Не слишком ли долго ты размышляешь? Ты многие годы готовил свой план. Я думал, ты будешь более энергично претворять его в жизнь.

– Я не спешу, – дернул плечом Рафаэль.

– Да что ты? Не пытайся меня провести, – фыркнул Ричард. – Seriously, ты два месяца проводишь светские ужины – и стоишь за углом, наблюдая. Не думаешь, что для рекогносцировки этого достаточно?

– Я ждал двадцать четыре года. Думаешь, два месяца – слишком долгий срок, чтобы насладиться ожиданием мести?

– С этой точки зрения ты прав, – признал Ричард. – А вот мне не терпится. Ты всегда был самым методичным и терпеливым парнем из всех, кого я знал. Пожалуй, только твой обожаемый Фантом может с тобой сравниться. Но у тебя есть перед ним одно преимущество. Как и перед всеми нами. Для тебя хитросплетение шансов – лишь система уравнений, а для нас – непроходимый лабиринт.

Рафаэль не стал возражать. Он давно понял, что подарок судьбы, его математические способности, заставляют его смотреть на мир иначе, чем остальные.

Что касается Ричарда, он умел с холодной проницательностью оценивать то, что его беспокоило. Но к Рафаэлю он не мог относиться бесстрастно. Он готов был убить или умереть ради него. И эта готовность была совершенно взаимной.

Рафаэль никак не мог привыкнуть к мысли о том, что судьба наградила его таким братом – нет, семью братьями. Впрочем, теперь их осталось шесть...

Страхнув неприятное воспоминание о том, как они потеряли Шифра, быть может, навсегда, он вздохнул:

– Я, кажется, начинаю осознавать, что месть – это блюдо, которое подают холодным.

Ричард недоверчиво фыркнул. Рафаэль, усмехнувшись, поднес к губам бокал с шампанским и сделал маленький глоток, наслаждаясь сладостью мстительного ожидания.

Его месть будет холодной. Такой же обжигающе холодной, как и тюрьма, в которой он вырос. Такой же мучительно медленной, как и годы, проведенные в ней. Такой же неумолимой, как ненависть, которую он испытывал все эти годы к тому, кто ввергнул его в рабство.

Двенадцать нескончаемых лет он выносил издевательства своих мучителей. Затем его сделали наемником, которого Организация сдавала заказчикам, готовым заплатить наивысшую цену. Среди их покровителей были и самые значимые имена политики и бизнеса, и главы организованной преступности, шпионских сетей и наемных армий.

Он был одним из нескольких сотен мальчиков, собранных по всему миру. Некоторых выкрали у родителей, других купили, забрали из сиротских приютов, с улиц или подобрали в регионах, охваченных войнами. Каждый из них обладал какими-то выдающимися способностями – умственными или физическими. Некоторые были настоящими гениями – как он и его братья.

Организация отбирала потенциальных сотрудников по строгим критериям и шла на все, чтобы заполучить их. «Рекрутеры» свозили их в тюрьму в балканской глуши, где они жили, отрезанные от всего мира, в зловещей крепости, прозванной его братьями «Черным замком».

Организация старалась заполучить детей в как можно более нежном возрасте, чтобы их легче было воспитывать так, как ей было нужно. Сначала их ломали, потом начиналось обучение.

«Обучение» – это был лишь эвфемизм для физических и моральных страданий, которым их подвергали, чтобы превратить в смертельное оружие. После этого их отправляли работать целыми командами, укомплектовывая их обладателями знаний и навыков, необходимых для порученной миссии. Они работали под неусыпным наблюдением своих надсмотрщиков, и любая попытка побега каралась смертью.

И все же ему удалось спастись, пережив годы страданий. И дело было не только в его силе. После начального периода изоляции и мучений сил у него не осталось. Если бы не его братья, он бы не продержался так долго. Через четыре года в «Черном замке» Ричард взял его под крыло. Ричард и братья помогли ему сохранить рассудок и саму жизнь.

Фантом, которого теперь звали Нумар аль-Асвад, выполнил обещание, данное в обеденном зале в тот день, когда мальчики опознали в нем родственную душу. С этого дня жизнь обрела для него смысл. Братья заменили ему потерянную семью. После того как он доказал, что достоин их доверия, они включили его в свою группу заговорщиков. Все они дали клятву на крови, что однажды спасутся и низвергнут Организацию.

С этого момента Фантом прилагал все усилия, чтобы их держали вместе. В конце концов они стали самой лучшей ударной силой Организации. Остаться единой командой было жизненно необходимо для их тайных планов.

Фантом заставил надсмотрщиков поверить, что им удалось уничтожить их как личности, превратить их в бесчеловечное оружие, готовое разить там, куда укажут хозяева. Им стали доверять, на них стали полагаться, им дали больше свободы, – и вот тогда они наконец смогли организовать свое спасение.

Попав наконец на свободу, они залегли на дно и, пользуясь полученными навыками маскировки, создали для себя новые личности.

– Вспоминаешь прошлое?

Ричард, когда-то бывший одним из его кураторов, читал его мысли, как открытую книгу. Именно поэтому он смог выследить Рафаэля, а с ним – и его друзей. К счастью, надсмотрщики, следившие за ними, не обладали столь же глубокой проницательностью. Но Ричард был рядом с ним с двенадцати лет, и духовная связь между ними была необыкновенно прочной. Хладнокровный Ричард, которому Организация полностью доверяла, отлично скрывал ее. Но скрыть что-то от братьев было невозможно. Особенно от Фантома и Шифра. Они видели все. И, глядя, как крепнет его связь с Ричардом, они начинали волноваться. И как оказалось, не зря – ведь Ричард в итоге сумел найти их.

Они не доверяли Ричарду столь же бесповоротно, как Рафаэль доверял ему. Их решение было однозначным: Ричард должен умереть.

Рафаэль не знал, за кого ему больше страшиться. Ричард был самым опасным человеком в Организации и мог стереть их с лица земли. Оставался лишь один способ предотвратить катастрофу.

Он заявил, что гарантирует жизнь каждого из них собственной жизнью, и, если случится хоть одно убийство, им придется убить и его тоже. К счастью, ему полностью доверяли обе стороны. Его слов оказалось достаточно, чтобы остановить их.

Но и потом, когда он объяснил братьям, что без помощи Ричарда им не скрыться, они все еще подозревали его. Лишь получив доказательства, что Ричард и сам был в заложниках у Организации, они поверили в его искреннее стремление покончить с ней.

Прошло немало времени, прежде чем его братья стали снисходительнее к Ричарду. Все, кроме Нумара. Они продолжали общаться лишь при посредничестве Рафаэля, который не на шутку боялся, что, встретившись лицом к лицу, они тут же вцепятся друг другу в горло.

Они остались врагами и после того, как совместно создали свое предприятие. Они согласились лишь в одном – в названии для него. «Блэк кэсл энтерпрайз» – по имени их узилища, где ковалось их братство.

Теперь их бизнес охватывал весь мир, и каждый из них владел миллиардами. У каждого из них были свои стремления. Кто-то искал давно потерянных родных, кто-то пытался вернуть себе права наследства, кому-то требовался новый смысл жизни. Но была у них и общая цель – еще одна, помимо низвержения Организации. Каждый из них хотел знать, как он оказался в ее руках.

И вот недавно Рафаэль наконец-то узнал об этом.

– Феррейра здесь?

– Конечно. – Вопрос Ричарда вывел Рафаэля из задумчивости.

– И когда ты заставишь его покинуть эту юдоль страданий?

– Если бы я хотел убить его, то попросил бы тебя. – Он с улыбкой посмотрел на друга, ответившего ему своей фирменной хищной усмешкой:

– Разумеется, ты придумал для него кое-что похуже. До такого даже я бы не додумался.

– Из уст человека, перед которым Джеймс Бонд – жалкий слабак, звучит как похвала.

Ричард не страдал ложной скромностью, только и ответил:

– Не забывай: я питаю слабость к долгим и изощренным пыткам.

Что ж, его месть будет и долгой, и изощренной. Он опозорит Феррейру, лишит его состояния – и это будет только начало...

– Признаю, твоя идея куда лучше пули в голову. Но не пора ли, наконец, воплотить ее?

– Значит, ты уже не возражаешь против моего непосредственного участия?

– Оставаться на расстоянии было бы лучше, – пожал плечами Ричард. – Но это – с точки зрения логики. А логика здесь – не главное. Тебе необходимо смотреть этому негодяю в глаза в тот момент, когда ты вонзишь в него нож.

Ричард с самого начала не советовал Рафаэлю приближаться к Феррейре, опасаясь за друга. Теперь Ричард не только понял стремление его жаждущей мести души, но и принял его, готовый помочь. На душе у Рафаэля потеплело.

Да, он будет смотреть врагу в глаза. Он поманит его самыми смелыми мечтами... и лишит его их навсегда.

Поставив бокал, Рафаэль вздохнул:

– Ты прав, пора. Но не сейчас. Нагоню еще таинственности перед тем, как...

Вдруг сзади что-то обожгло ему шею, словно на нее опустилась теплая ладонь или донеслось чье-то горячее дыхание.

Нахмурившись, он взглянул вниз, на толпу. Как он и предполагал, то, что его побеспокоило, не было чужим взглядом: ведь его не было видно из зала. Но странное чувство все усиливалось, охватывая все его тело...

И вдруг он обнаружил его источник. И все вокруг мигом странно поблекло...

Женщина.

Стоя в дверях бального зала, словно в обрамлении рамы, она, казалось, была в растерянности. В кремовом вечернем платье из легчайшей полупрозрачной материи.

Сияющая волна волос обрамляла невероятной красоты лицо, спускаясь к осиной талии, которая...

– Перед чем?

Едва расслышав вопрос Ричарда и тотчас забыв о нем, он вновь впери́л взгляд в незнакомку. И хотя раньше он не испытывал ничего подобного, он мгновенно понял, что это. Вспышка симпатии... нет, гораздо больше! Это было узнавание. Она словно перенесла все его самые безрассудные мечты в реальность.

Может, он грезит? Нет, его чувства говорили обратное. Все происходит на самом деле.

Впрочем, есть способ убедиться. Нужно подойти к ней.

– На что ты там уставился, Счет?

На сей раз вмешательство Ричарда вызвало в нем раздражение. Но он не хотел уходить, разрушать тот прекрасный, волнующий момент. Будто боясь, что звук его голоса пробудит ее от нерешительности, лишит его возможности и дальше любоваться ею, он шепнул:

– На нее.

– На кого? – Ричард шагнул вперед. – На ту женщину в дверях?

– Ты ее видишь? – изумился он.

– Ты спишь на ходу? – ухмыльнулся Ричард.

Он не спал уже больше суток, но сейчас это не имело никакого значения.

– Я не сплю. Но она правда будто из сна. Или из сказки.

– Ты серьезно? – Ричард явно был потрясен.

– Да. Я...

Его мысли прервались. Она вошла в зал. Но по неуверенной походке, смущенным взглядам, по тому, как она вертела ремешок сумочки, было видно, что ей не по себе. От ее естественной грации и смущения у него горело в груди.

– Просто очередная симпатичная блондинка.

Слова Ричарда заставили Рафаэля изумленно посмотреть на друга:

– Она не блондинка. Ты уверен, что мы говорим об одной женщине?

Ричард махнул рукой:

– Не важно. В любом случае – давай, иди в атаку.

– На нее нельзя идти в атаку. Я буду с ней любезен...

Ричард нахмурился:

– Я говорил о Феррейре...

– Забудь о Феррейре! Я...

Рафаэль резко замолчал. Нет, он не может подойти к ней! Он, конечно, скрывал свои фотографии от прессы, и все же кто-то в зале мог узнать его. А он ведь уже решил, что ему рано показываться на публике. Внезапно знакомство с красавицей стало для него главной задачей вечера.

– Кобра, приведи ее ко мне.

– Что с тобой, Счет? – непонимающе спросил Ричард. – Ты никогда так не реагировал на женщин.

– Она – не просто женщина.

– Да, конечно, – фыркнул Ричард. – Она фея, кто же еще!

Рафаэль сжал зубы:

– Просто пойди и приведи ее.

– То есть ты хочешь, чтобы я подошел к незнакомке и попросил ее пойти со мной к мужчине, которого она также не знает? И который сейчас похож на сумасшедшего? Она, в отличие от тебя, еще не сошла с ума.

Слова Ричарда вернули его к реальности. Да, его план явно был нереализуем.

Но он должен был встретиться с ней наедине.

И тут ему пришла в голову другая идея:

– Тогда я спущусь с тобой и постою за дверью зала. Ты только выведи ее ко мне, а там уж я разберусь, что делать.

– Счет, я твой защитник, а не сводник.

– Замолчи! И иди, наконец.

Еще раз взглянув на Рафаэля, как на сумасшедшего, Ричард пошел вниз. Рафаэль двинулся за ним, прокручивая в голове различные сценарии дальнейшего развития событий.

А если, увидев ее вблизи, он будет разочарован? А если он не понравится ей? Или... вдруг она замужем?

Нет, у нее никого нет. Он просто знал это.

У дверей зала Ричард вопросительно взглянул на него, словно ожидая, что он передумает, но Рафаэль лишь в нетерпении махнул рукой. Ругнувшись сквозь зубы, Ричард исчез за дверью. Почти двухметрового роста, он на голову возвышался над толпой гостей, так что Рафаэль мог с легкостью наблюдать за

его передвижениями.

Затем он заметил ее, неловко стоявшую в дальнем углу. Рафаэль с нетерпением ждал, пока Ричард укажет ей на него или сделает еще что-нибудь, чтобы привлечь к нему ее внимание. Кобра был уже в паре шагов от нее... когда она вдруг повернула свою элегантную головку и посмотрела Рафаэлю прямо в глаза. В его сердце словно ударила молния. Он увидел, как ее глаза расширились и сковывавшее ее напряжение, казалось, сразу исчезло.

Невероятно! Она почувствовала его взгляд издалека, из темноты, ощутила его... как прежде ощутил ее он.

Продолжая смотреть ей прямо в глаза, он поднял руку и махнул ей, подзывая к себе. Она несмело оглянулась, словно не веря, что он машет именно ей. Затем, словно против воли, ее глаза вновь впились в его.

Он торжествовал. Она чувствовала его страсть и не могла ей сопротивляться! Он вновь махнул ей и шагнул дальше в тень. Она несмело, словно удивляясь собственным действиям, двинулась в его сторону. Она прошла мимо Ричарда, и тот, проследив за ее ошеломленным взглядом, понял, что его помощь больше не нужна. Рафаэль же забыл о Ричарде, не сводя взгляда с девушки, продолжая манить ее к себе.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем она, двигаясь словно в трансе, пересекла зал. Наконец – о, наконец-то! – она вошла в пустынный коридор. Он повел ее дальше, в глубину дома, где никто не мог помешать им. Когда Рафаэль остановился, она, с полуоткрытыми губами, распахнув глаза, остановилась рядом с ним. Свет канделябров окружал ее золотым сиянием.

Увидев ее вблизи, Рафаэль распалился еще сильнее.

Разумеется, она не была блондинкой. Это приземленное слово ни в коей мере не могло описать золотой каскад ее волос, отсвечивавших тысячами оттенков. В ее прядях было золото пляжей Рио, сияние горы Сахарная Голова и миллионы сияющих солнечных лучей, пронизывавших этот город в любое время дня. Ее кожа, от линии лба до кончиков пальцев, была безупречной, сливочной белизны. А ее тело... оно, казалось, было воплощением его желаний. Грациозное, женственное, оно покоряло бессознательной женской силой, затаившейся в

каждой линии, в каждом изгибе.

Нет, Ричард был не прав. Она не была симпатичной. Даже красивой. Она была неизмеримо выше этих слов. От высокого лба ученого до элегантных линий носа и пухлых губ, ее лицо было воплощением совершенства. Но главным были ее глаза. Огромные, окаймленные пушистыми длинными ресницами, они отличались идеальной формой и разрезом и каким-то невероятным цветом. Цветом пламени. Они были завораживающими, как огонь. И такими же опасными.

Но дело было даже не в ее физическом совершенстве. В ней было что-то, заставлявшее его желать поглотить ее целиком. Он никогда еще не испытывал такой тяги, такого возбуждения. Он хотел расплатать ее, броситься в нее...

Но он еще понимал, что не стоило делать этого. Даже если она сама этого захочет. А она, похоже, хотела того же самого.

Obrigado, minha beleza.

Голос Рафаэля был хриплым от желания. Он назвал ее «моя красавица» на языке своей матери. Большинство гостей не были бразильцами, но он был уверен: она поймет. Лишь этот язык казался достаточно интимным для столь значимого момента.

– 3-за что?

Его дыхание прервалось. Она поняла, хотя и ответила на английском. Хорошем американском английском. Ее голос – мягкий, страстный, нежный – словно создан был для того, чтобы шептать любовные заклинания ему на ухо, прижавшись к его плоти долгими, наполненными наслаждением ночами.

– За то, что пришла, когда я позвал тебя.

– Позвал меня? – Она заморгала, словно очнувшись.

Но он больше не мог говорить. Он должен был коснуться ее. Продолжая смотреть ей в глаза, он протянул руку и положил ладонь ей на щеку.

Он чуть не застонал, когда коснулся ее тела, жадно впитывая кожей его жар и нежность. Она задрожала, и от этого его возбуждение, казалось, достигло пика. Затем ее глаза потемнели, словно подернувшись пеплом, лишая его последних остатков самоконтроля.

Спотыкаясь, он сделал два шага к ней – и с силой прижал ее к стене своим телом. Он ощутил ее жар и гибкость, и его возбуждение стало почти болезненно непереносимым. Он издал короткое рычание. Ее ответный глубокий вздох наполнил его ноздри ее запахом. Аромат жасмина, туман феромонов... он больше не мог ждать, он жаждал ощутить ее вкус.

По-прежнему не отводя от нее взгляда, он наклонился над ее трепещущими губами и, подарив себе еще один миг предвкушения, поспешил прикинуться к ее рту.

Но не успел он коснуться ее губ, как между ними словно проскочила молния, заставив его вздрогнуть. В ее глазах тоже отразилось потрясение, ее губы задрожали. Но, судя по тому, как бурно вздымалась ее грудь, ее охватил не страх, а возбуждение. В ее глазах плескалось возбуждение, ее веки опустились, а губы вспухли, будто он уже терзал их поцелуем.

Она хотела этого. Хотела его. Как и он хотел ее.

И ему уже нужен был не просто поцелуй. Он жаждал обладать ею целиком.

Они едва обменялись парой слов. Он совсем не знал ее. Но эта игра не подчинялась общепринятым правилам. Их смело волной страсти, охватившей их обоих.

Сначала он овладеет ею. Она ведь тоже хочет этого. Все остальное – потом. Сейчас он мог думать лишь об одном – о том, чтобы утолить голод, терзавший его тело.

Он крепко сжал ее в объятиях. Коротко простонав, она обмякла в его руках. В ее огромных распахнутых глазах сияла готовность сдаться на его милость.

Триумф и эйфория охватили Рафаэля. Придержав девушку, он захлопнул дверь и крепко прижал ее к ней. Лихорадочное пламя в ее глазах подтверждало: она хочет этого. Пойти с ним до конца. Прямо сейчас.

И он приник к ее губам.

Глава 2

Элли тонула в волнах наслаждения. Наслаждения от поцелуя этого мужчины. Мужчины, с которым она встретилась лишь несколько минут назад.

Но она не видела в этом ничего постыдного. Ведь это, должно быть, сон.

В реальном мире она и помыслить не могла о том, чтобы потерять голову при виде мужчины, сходить с ума от одного его прикосновения. Там, должно быть, вовсе не существовало столь всепоглощающего наслаждения. По крайней мере, для нее. Она была не той, кто мог бы сойти с ума от любовной вспышки. До того, как увидела его. Один его вид доказывал, что это сон. Он не мог существовать на самом деле.

Ни один мужчина не мог бы так захватить ее. Даже то, как он вдруг возник ниоткуда, из темноты, казалось волшебством.

Да, всему этому было лишь одно объяснение. Она, должно быть, задремала в машине, и ее посетил этот безумный эротический сон.

В конце концов, она имела полное право заснуть. Она два дня работала не поднимая головы. Усталость была еще одной причиной, по которой она не хотела ехать на этот бал. Она буквально засыпала на ходу, когда, притащившись домой, заставила себя надеть что-нибудь поприличнее и поехать на Армакао-дос-Бузиос, в район шикарных особняков. Чтобы добраться в такую даль, она потратила два часа и еще тридцать минут безуспешно искала дом.

В шесть она, наконец, добралась до места и, оставив машину слуге, двинулась через изысканный, тщательно ухоженный сад, расположившийся террасами, к

великолепному четырехэтажному особняку площадью явно не меньше нескольких тысяч квадратных метров. Искусно выполненная подсветка подчеркивала изящество многочисленных арок, колонн и карнизов этого шедевра архитектуры в стиле неоренессанса, придавая зданию величественность королевского дворца или собора. Внутри здание было залито светом многочисленных хрустальных канделябров и старинных бронзовых торшеров, превращавшим прекрасный стильный интерьер в португало-французском стиле в подобие волшебной сказки. Не менее сказочным оказался и балльный зал. Она помнила, как остановилась на пороге, не в силах совладать со своей нелюбовью к толпе, как, наконец, устроилась в тихом уголке... И тут ее словно ударила молния. А когда она недоуменно оглянулась, она увидела его глаза.

Когда он элегантно и в то же время полным силы жестом позвал ее к себе, ее сердце судорожно забило. Она огляделась, пытаясь понять, кому он машет, а поняв, что ей, и не подумала сопротивляться его зову. Она двигалась к нему словно помимо собственной воли. Вот она уже на расстоянии вытянутой руки от него, и... в голове стучит лишь одна мысль: «Вот это да!»

Даже со своим немаленьким ростом в сто семьдесят сантиметров, на восьмисантиметровых шпильках, она казалась миниатюрной рядом с ним. Он был очень высок, с мощными плечами, руками и торсом, узкой талией и бедрами и мускулистыми длинными ногами. Темно-серый костюм не скрывал его стати, и она могла себе представить, как великолепно выглядит его тело без одежды.

Но примечательнее всего было его лицо.

Лоб, нос и нижняя челюсть словно целиком состояли из жестких линий и острых углов. Острые скулы так резко выделялись на гладкой смуглой коже щек, что о них, казалось, можно было порезаться. Очертания губ отличались глубокой чувственностью с налетом порока.

И все же главным в нем было не физическое совершенство и не сексуальный магнетизм. И даже не его неистовые глаза в окружении угольно-черных, как и его густые волосы, ресниц, с их необычным разрезом и странным изломом бровей.

Главным была душа, глядевшая на нее сквозь внешнюю оболочку.

Затем он поблагодарил ее за то, что она пришла на его зов. В его магическом голосе звучала бесконечная самоуверенность. А потом он дотронулся до ее щеки...

И мир перестал существовать.

Она чувствовала лишь его прикосновение и нестерпимое желание большего. И он дал ей большее. Словно голодный леопард, он пригвоздил ее к стене и остановился в миллиметре от ее губ, дразня своим сводящим с ума запахом – бесконечно мужским, наполненным желанием.

Она дрожала, боясь, что, если он не поцелует ее, у нее остановится сердце. И он поцеловал ее. И это было как удар молнии, лишивший ее последних остатков разума. Она взглянула ему в глаза, признавая, что не может сопротивляться ему. И тут в нем произошла разительная перемена.

До этого, несмотря на всю его уверенность, он все же был несколько скован. Но теперь все границы пали. Он не остановится на поцелуе. Он пойдет до самого конца. И именно это он сказал ей: «Да, моя красавица, да. Все, что можно. Со мной. Сейчас».

Краем сознания она понимала, что это безумие. Но когда он обнял ее, она обмякла в его руках, полностью отдаваясь в его власть.

Он затащил ее в полутемный роскошный кабинет и всем телом прижал ее к двери. Прежде чем она успела сделать вдох, его язык уже исследовал ее рот, а руки вытаскивали шпильки из волос. Ее волосы хлынули ему в руки, и он начал перебирать пальцами золотистые пряди, наполняя каждый уголок ее тела невыразимым наслаждением. Тем временем другой рукой он нашарил молнию на платье и потянул ее вниз.

Когда ее грудь освободилась из-под корсажа, она застонала, и в этом стоне смешались шок и облегчение. Его губы ловили каждый звук, срывавшийся с ее губ, дрожавших в экстазе. В голове билась лишь одна мысль: ведь она может проснуться в любой момент!

Но сон не кончался. И она уже понимала, что он не закончится.

Это было слишком удивительно для сна.

Значит, это было на самом деле.

Его пальцы пробежали по ее спине, заставив кожу запылать, словно в огне. Она отпрянула, как от ожога, но мгновение спустя вновь прильнула к нему, словно моля о продолжении. И он продолжил. Приподняв юбку и крепко сжав ее ягодицы, он еще сильнее притянул ее к себе. Она судорожно задышала, затем застонала, ощутив, как его твердое, как железо, мужское естество прижимается к ее плоти, обдавая ее волной жара.

Потянув ее ногу к себе, он обернул ее вокруг своего бедра. Его язык яростно двигался у нее во рту, и его тело, сотрясаясь в том же ритме, вжимало ее в стену. Его мощная грудь терлась о ее бюст, и напрягшиеся соски тянуло невыносимо сладкой болью. Она дрожала в его объятиях. Его рот медленно двинулся от ее губ вниз, вдоль шеи, покрывая ее поцелуями, от которых ее кровь вскипала жидким огнем. Казалось, весь мир сосредоточился в нем, в его теле, дыхании, пальцах, губах. Она словно исчезла, растворившись в своем желании, центром которого был он. Между ее ног колотился жар почти невыносимого желания, требовавшего немедленного удовлетворения. Когда оно достигло стадии почти невыносимой боли, она закричала. Его тело затряслось, словно наэлектризованное ее криком, и он вновь обрушил свои губы на ее рот.

Она вновь окунулась в волну его запаха, их языки яростно сплетались. Его губы и зубы яростно впивались в нее. Это не было медленное, волнующее соблазнение, такое, как она воображала, фантазируя о первом интимном свидании с мужчиной. Это было вторжение, варварский набег. Но сейчас ей хотелось именно этого.

Как будто откликнувшись на жар ее желания, он подхватил ее на руки и отнес в глубину комнаты, на огромную кровать. Уложив ее, он встал, глядя на нее сверху вниз в проникавшем откуда-то тусклом свете, пожирая ее сверкающим взглядом. Ее глаза, затуманенные наслаждением, скользили по его внушительной фигуре.

Наконец он лег, намертво прижав ее своим мощным телом к кровати.

– Estou louco de desejo por voc?, minha beleza ?nica. Я схожу с ума от желания, моя звездная красавица...

Она сказала бы то же, если бы была в силах. Но она могла лишь выгнуться ему навстречу, когда он, подсунув руку ей под спину, потянулся к застёжке бюстгалтера. Расстегнув его, он накрыл ее груди ладонями. Она вздрогнула, когда он, зарывав, сжал их. Ее лихорадочное желание усиливалось с каждой секундой, она дрожала, словно в агонии, от невыносимого желания. А он, склонившись, нежно прикусив зубами сосок, несколько раз обвел его языком, а затем начал посасывать. Она извивалась под ним от болезненного, почти невыносимого наслаждения, отвечая на каждый мощный толчок его тела. А он жарко шептал ей в ухо:

– Лишь взглянув на тебя, я потерял разум. Теперь я трогаю тебя, чувствую твой вкус, чувствую, как ты лежишь подо мной, распахнутая, ждущая...

Она могла лишь кивнуть в ответ. Просунув руки ей под ягодицы, он стянул трусики с ее дрожащих ног, сбросил с себя пиджак и рубашку и вновь навалился на нее всем телом. Прикосновение его кожи, ощущение волосков на ней чуть не заставили ее потерять сознание. И вдруг он остановился. Приподнявшись на локте и с тревогой глядя на нее, он прошептал:

– Ты вся дрожишь. Тебе страшно?

– Только что у меня остановится сердце, – прошептала она в ответ. – Или я потеряю сознание.

Он улыбнулся улыбкой голодного хищника:

– Я тоже. Но не обморока. Боюсь, что у меня остановится сердце, если...

Однако он не стал стягивать с нее платье, вместо этого сдвинув и верхнюю и нижнюю части на талию.

– В следующий раз я буду ласкать тебя всю – от ресниц до пальчиков на ногах. Но сейчас я хочу тебя. Скажи, что хочешь меня. Скажи, что ты вне себя от нетерпения. Скажи это!

Но она была не в силах вымолвить ни слова. Она словно растворялась в пространстве, безумное, громадное желание колотилось у нее внутри. Она лишь кивнула в ответ.

Склонившись к ней, он коснулся губами ее лба, осушив ими капельки пота. От первого же его прикосновения она закричала, выгнувшись дугой и разбросав ноги, словно призывая его войти и овладеть ею.

Тяжело дыша, он встал на колени и высвободил член. При взгляде на его устрашающий размер она задохнулась. Она лежала, крепко зажмурившись, и ждала, готовая на все, чтобы утолить его голод. Сердце у нее колотилось, как сумасшедшее. Она ждала, когда же он войдет в нее и заполнит сводящую ее с ума пустоту, радуясь предстоящей боли. Но он медлил. Она открыла глаза, вновь задохнувшись от его взгляда. Раздвинув ей ноги, он подложил ладони ей под ягодицы, пожирая глазами ее женское естество. Не в силах отвести взгляд, она смотрела, как он осторожно раздвинул пальцами ее набухшие половые губы и, не делая попытки войти в нее, стал медленно двигать член между ними.

Она закричала от невероятного наслаждения. Свободной рукой он стиснул ее ягодицы и вновь впился ей в губы поцелуем.

– Ты чувствуешь, какая ты горячая, влажная, как ты готова принять меня? – шепнул он.

Его член скользил вдоль ее половых губ, крепко прижимаясь к самой чувствительной точке ее плоти. Она глухо вскрикивала сквозь поцелуи, охваченная невыносимым блаженством. А он, приподнявшись, ласкал головкой члена ее клитор до тех пор, пока, казалось, все наслаждение мира не слилось для нее в этой горячей, сладкой муке.

– Пожалуйста, пожалуйста...

Она молила его овладеть ею, не зная, сумеет ли вместить его огромное мужское достоинство. Да, именно этого она ждала... ждала всю жизнь. Вот почему она еще ни разу не захотела разделить постель с мужчиной. Потому что она еще никогда не испытывала ничего, подобного этой жаркой, всепоглощающей страсти.

Он вновь закрыл ей рот поцелуем, продолжая содрогаться на ней, вновь и вновь лаская членом ее клитор. Наслаждение наливалось почти невыносимой болью. И вот, когда она почувствовала, что не может больше выносить эту сладостную пытку, он задвигался быстрее – и ее возбуждение, наконец, излилось фонтаном блаженства.

Он продолжал двигаться, пока она извивалась и вскрикивала, охваченная волной наслаждения.

Наконец ее тело обмякло. Опустошенная и измученная, она лежала, не отрывая от него затуманенных глаз. Тогда, встав на колени между ее раскинутых ног и придерживая член пальцами, он зарычал, наконец излив на нее волну оргазма. Она смотрела на него не отрываясь, словно замороженная этим зрелищем. Она с радостью думала о том, что сумела дать ему такое же наслаждение, что он подарил ей. Ее дыхание становилось все медленнее, и, наконец, она с наслаждением вытянулась на мягкой постели...

Реальность понемногу возвращалась к ней. Она почувствовала, как он аккуратно вытер ее живот, и затем вновь приник к ее губам в долгом поцелуе. Казалось, сбросив пелену лихорадочного желания, он, наконец, не спеша наслаждается каждой каплей ее вкуса. Этот поцелуй словно скреплял их близость, обещая, что этот эпизод страсти будет лишь началом долгих и глубоких отношений.

Он приподнялся, щелкнул выключателем. Мягкий свет показался ей ослепительно-ярким. Она зажмурилась, а когда открыла глаза, обнаружила, что он мягко, нежно смотрит на нее.

– Что... что это было?

Дурацкий вопрос вырвался у нее помимо воли. Его гипнотические глаза посерьезнели.

– Не знаю. Раньше со мной такого не было. Но если подумать, я бы сказал, что это чудо.

Она облегченно вздохнула. Значит, он не считает ее ни глупой, ни безрассудной. Он сам чувствует то же, что она.

– В отсутствие других объяснений, я склонна согласиться с этим.

И все же теперь, когда безумный морок желания рассеялся, она ощущала неловкость.

Что она наделала?

Лишь теперь она увидела, что лежит на огромной кровати, обитой темно-зеленой и золотой парчой. Она глубже вжалась в подушки, вдруг заново ощутив свою наготу и его тело, прижимавшееся к ней.

И вновь он будто угадал ее чувства. Поднявшись, он спрыгнул с кровати, не без труда втиснул все еще вздыбленный член в брюки и, подняв ее трусики, не спеша натянул их на ее все еще подрагивающие ноги, попутно покрывая их поцелуями. Наконец, он запечатлел финальный поцелуй на ее лобке, снова пробудив в ней жаркую волну желания. Пока она думала, стоит ли давать ему волю, он опустил и одернул ей юбку и, нежно усадив ее, взялся за лиф. Но прежде, чем поправить его, он запечатлел на каждом ее соске по нежному поцелую. Она со стоном упала ему на грудь. На секунду прижав ее к себе, он оправил на ней лиф и застегнул молнию. Убирая ее волосы, он положил руку ей на подбородок и, не сдержавшись, снова впился губами в ее рот, уронив ее обратно на кровать. У нее кружилась голова, а тело вновь горело как в огне.

– От тебя невозможно оторваться. – Рафаэль решительно стиснул зубы. – Думал, если между нами будет одежда, мы сможем сделать перерыв хотя бы для знакомства. Но я, кажется, ошибся.

– Меня зовут Элли.

– Элли. – Он нахмурился, словно пробуя ее имя на вкус. Затем покачал головой. – Тебе не идет.

– Почему?

– Как твои родители могли дать столь прекрасному ребенку такое невыразительное имя?

– На самом деле имя у меня довольно пышное. Я просто сократила его, чтобы меня не принимали за героиню средневековой пьесы.

– Что ж, прошу прощения, что возвел на твоих родителей напраслину. Как же тебя зовут?

– Элиана.

– Элиана. – Его взгляд смягчился. – «Бог ответил». – Он был первым, кто знал, что значит ее имя. – Это тебе подходит. – Он запечатлел нежный поцелуй на ее ладони. – Ты, должно быть, стала ответом на их молитвы. Как и на все мои мечты.

Щеки Элианы зарделись.

– Ты еще и поэт? Неужели недостаточно... всего остального? – Она дотронулась до его груди, и он тут же потянулся к ней, но она отдернула пальцы. – Мы еще не познакомились, и если ты опять поцелуешь меня, я...

– Ты опять загорисься.

– Я больше так не могу. Дай мне возможность...

Он аккуратно взял ее за подбородок:

– Я так и думал. Ты скромница.

– Понимаю, это смешно после... после того, как...

– После того, как ты билась в моих объятиях? Но даже тогда я видел твою скромность. Но тебе нечего стесняться. Ты ведь действуешь на меня так же. Meu Deus... Ты сдалась мне, как будто не могла противиться, как будто я околдовал тебя...

– Безо всякого «как будто». – Она спрятала лицо у него на груди, теснее прижимаясь к нему. Желание мешалось в ней с облегчением.

Значит, вот она такая – страсть! Вот чего она ждала всю жизнь. Его.

– Наверное, из-за такой вот тяги друг к другу люди творят безумства? – шепнула она.

– Великолепные безумства. – Его красивые губы изогнулись в усмешке. – Но, хоть я и сдался этому безумию, я все же сдержался от того, чтобы овладеть тобой без защиты.

Она ахнула. Ей это даже в голову не пришло! Он нежно погладил ее по щеке:

– Только ради тебя. Раньше со мной такого не было.

– То есть обычно ты не думаешь о... партнерше? – выдавила она.

– Я всегда думаю о партнерше... и о себе. Но сегодня я думал только о тебе. Все случилось так быстро... как вспышка. Я вдруг подумал, что ты сама не понимаешь, чем рискуешь. И решил защитить тебя.

– О... – У нее не было слов. Это было... здорово. Он же мог просто получить удовольствие. Но не стал. Она благодарно сжала его пальцы. – Спасибо.

– Но теперь я приму все необходимые меры предосторожности. Только пообещай мне кое-что.

– Что?

– Провести ночь в моих объятиях. И еще одну. И еще.

У Элианы перехватило горло.

– Может, ты сначала посмотришь, как пройдет первая ночь, а потом подумаешь насчет остальных? – пробормотала она.

– Я знаю, как она пройдет. Я доставлю тебе столько наслаждения, что ты непременно попросишь повторить. – Он приподнял бровь. – Неужели ты

считаешь, что может быть иначе?

– Я просто не знаю, смогу ли я сделать так, чтобы ты просил повторить.

– Может, у тебя до сих пор голова кружится от удовольствия? – Он лениво улыбнулся и нежно дотронулся пальцем до ее макушки. – Только этим можно объяснить столь странные сомнения.

– Я верю тебе, – пробормотала она.

– А может, ты считаешь, что я просто сумасшедший?

Элиана закашлялась:

– Даже не думай об этом.

– Значит, ты мне доверяешь? – Рафаэль с жадностью вампира прикоснулся зубами к ее шее, словно выбирая место укуса. Голова Элианы безвольно откинулась, она вновь вздрогнула от наслаждения.

– Я вообще не могу думать логически с тех пор, как ты... позвал меня, – призналась она. – Это все инстинкты. И они велят мне верить тебе.

– Целиком и полностью?

Элиана кивнула.

– Ты не испугаешься, если в постели мне захочется чего-то необычного?

Элиана распахнула глаза. Под хищным взглядом Рафаэля ее сердце билось, как сумасшедшее.

– Что именно ты считаешь необычным? – спросила она.

– Необычное – я имею в виду количество. Что касается качества... если только немного.

– Но я не уверена, что смогу соответствовать твоим ожиданиям.

– Положись на меня. – Рафаэль усадил ее к себе на колени, оглаживая все ее тело. – Или тебе не нравится?

– Если только одно...

– Что же?

Элиана ощущала под ягодицами его твердеющий член, и горячая волна вновь залила ее с головой.

– То, что ты выпустил на свободу монстра.

– Ты хочешь еще. – Его зубы сверкнули в торжествующей улыбке.

– Я хочу тебя, – простонала она.

– Но не сильнее, чем я тебя. – Рафаэль крепче прижал ее к своей твердеющей плоти. – Что ж, ты обещала.

Элиана с усилием разжала его руки и поднялась с его колен:

– Я не могу. Все это было...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/geyts_oliviya/verolomnaya-obol-stitel-nica

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)